

Мне продали щекастые смолянки,
Стоящие под проливным дождем,
Ржаные, еще теплые буханки —
И хмурый вечер показался днем.

Они как две изюмовые сдобы,
И каждая глазами так прижмет,
Что кажутся родней мне хлебобобы
И чудится мне сватом тестовод.

Я видел, как работают все живо —
Поют, смеются, рассуждают вслух,
В их душах — поспевающая нива,
Прародина плетенок и краях.

Они еще доленинской закваски,
И прячут их помазанные лбы
Пословицы, поверья, песни, сказки,
Коленопреклоненные мольбы.

ВИСЕЛЬНИК

Василию Михайловичу Серкову

То время было горько-вязкое,
Дома от взглядов скрыла ночь.
Он шел с оглядкой в Новоспасское:
Хотел увидеть сына, дочь...

За ним леса, поля ржаные,
Деревни край и в ряд снопы.
Придет он скоро к Евдокии —
Вот изгородь, вот край избы.

Ее он сам воздвиг когда-то,
Вот первое окно с резьбой.
Убрал он руку с автомата —
Вот-вот он встретится с женой.

Но не судьба, и как-то быстро
Произошел его захват:
Соседа взгляд, крик бургомистра,
Десятки вермахта солдат.

Наутро к месту подлой казни
Он шел по сродников земле
И горделиво, без боязни
Взглянул на солнышко в петле.

Повешен был он в Новоспасском
Под русский плач, тюрингский смех.
А с неба дождик бил по каскам,
Как будто мстил один за всех.

КАНОНИЦА

Время неслышно в неведомость тронется,
Жизни земной неизвестен нам срок.
Ты убрала свои пряди в платок.
Что тебе снится, родная каноница?
Где твой избранник израненный слег?

Видишь ли ты неприглядные яви?
Слышишь, как вой орудийный затих?
Где же погиб твой веселый жених?
В поле под Рославлем или в Варшаве?
Кто в той атаке остался в живых?

Долгие годы жила ты в затворе,
Кто-то, как раньше, окликнет: «Сестра!»
Ты, как на фронте, спокойна, быстра,
Только не выплакать девичье горе,
Не воскресить рядового Петра.

Всех подступавших мольбами жалея,
Вечно ты ликом была весела.
Множество бед ты в себя вобрала.
Как ты любила всех, мать Пелагея,
Ты — словно Бога земная хвала.

Как же мила ты, слепая солдатка!
Ты приходящих молитвенный тыл.
Вечер пасхальный кресты осенил,
И среди всех монастырских могил
Мне у твоей одиноко и сладко.

БЕСПАЛЫЙ

Раскинулась за домом нежно радуга,
И мы расселись важно на крыльце,
И дверь была закрыта туго-натуго,
Ушла хозяйка, позабыла о жильце.

От «козьей ножки», полной самосада,
Газетная распространялась вонь.
Болтал вязьмич смешно, замысловато
О том, как не использовал он бронь,

О том, как посреди крестов и свастик
Дымящихся Зееловых высот
Кончины ожидал десятиклассник
В тот самый важный сорок пятый год.

Он говорил, что Божий он избранник,
Что баловень он, как ты ни крути,
Что починил на днях сапог и краник,
А я смотрел на две его культы.

* * *

Помню, учили меня быть надежным и смелым.
Все изменилось с тех пор, но иду я к тебе,
Роща, где дед закопал навсегда парабеллум,
Где ждал связного не раз на медвежьей тропе.

Кажется мне, я иду по курганному полю,
Звезды угрюмо склонились к расстрельному рву,
Сон ты никак не обманешь, он рвется на волю,
Я его власть только с первым лучом оборву.

Снова под утро тревожат скупые просветы,
Наши свиданья с родней обреченно редки.
Грозным Смоленском в стальное подымье одеты
Мельница, сад и наш дом в изголовье реки.

ДИВО

«Помоги мне, внучек, помоги же!» —
Воскликнула бабка у ларька.
Шаг, другой — я становился ближе,
Мы стояли в первомайской жиге,
Вот меня взяла ее рука.

Платьице старинное в горошек
И послевоенный макинтош.
Говорит: «Ну, может быть, возьмешь
Хоть одну из четырех матрешек?
Мой товар намоленный хорош!»

Плечи макинтоша все в помете,
С образом угодницы платок.
Говорит: «Родименький внучок,
Господин, товарищ, ну, возьмете?» —
Поправляя Божий образок.

«Ты не думай, я не побирушка!
Отнесись с доверием к вещам,
Посмотри — и убедишься сам,
Это ведь счастливая игрушка,
Я тебе задешево продам.

Дед мой хоть без ног, но еще ловок,
Правда, вышивает и охрип.
У него из самых мягких лип
Сушатся десятки заготовок,
Только третий день замучил грипп.

Мастерит он множество фигурок,
Мне бы прикупить ему гуашь.
Вот отправил и сказал: «Продашь!»
Раздавил протезами окурок,
Он же офицер, а не торгаш.

Да ругнет, бывает, меня матом
И сидит, нахмурившись, один;
Вспоминает Вязьму и Берлин —
Мы же повстречались в сорок пятом,
В день его небесных именин.

На себе тогда его тащила,
Был тяжел израненный мужик.
Я не помню отрешенный крик —
Все звала святого Михаила, —
Вот и выжил милый фронтовик.

Года два за ним носила утку,
Он ходить тогда еще не мог.
Знаешь, дорогой ты мой внучок,
Жизнь сыграла с нами злую шутку.
Сколько я молилась — знает Бог».

Словно нимб, вокруг летали мошки
Над ее покрытой головой.
Я был между миром и войной.
А в портфеле нежные матрешки
О любви шептались фронтовой.